

Президентские республики в Восточной Европе — особенности становления после окончания холодной войны

С. Л. Ткаченко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Ткаченко С. Л. Президентские республики в Восточной Европе — особенности становления после окончания холодной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 3. С. 305–318. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.306>

В статье рассматривается становление политических систем в государствах, возникших в Восточной Европе после окончания холодной войны. При этом отмечается, что большинство государств региона сделали выбор в пользу президентских республик. Автор приходит к выводу о том, что характеристика института президентства в конкретном государстве как «авторитарного», «гибридного» или «демократического» в решающей степени определяется двумя факторами: объемом конституционных компетенций президента, а также практикой интерпретации этих полномочий, выражающейся в конкретных действиях на политическом поле. На оба указанных фактора влияют множество процессов, включая характер взаимоотношений института президентской власти с тремя традиционными ветвями власти в суверенном государстве; практику отношений со структурами гражданского общества, бизнес-сообществом и СМИ; исторический опыт и его учет в конкретно-исторической обстановке. Не в последнюю очередь характер политического режима в государстве и место в нем института президентства определяются личными характеристиками занимающего данный пост, его образованием, политическим опытом, коммуникативными навыками, умением эффективно взаимодействовать с представителями других институтов власти.

Ключевые слова: президентализм, гибридный режим, демократический транзит, Восточная Европа, Содружество независимых государств.

Становление института президентской власти и политического режима, возникающего в президентских республиках, является предметом особого интереса сравнительной политологии. Данная дисциплина занимается изучением политических процессов и институтов путем идентификации и сравнения однотипных явлений в различных политических системах. Но в случае применения ее исследовательских методов для анализа только начинающих формироваться президентских режимов традиционные рамки сравнительной политологии оказываются узкими. В настоящей статье мы используем исследовательский инструментарий политической теории, макросоциологии и международной политической экономики, поскольку убеждены, что лишь междисциплинарный анализ позволит нам добиться нашей цели: охарактеризовать динамику и нынешнее состояние президентских республик, возникших в Европе после распада СССР.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Парламентская форма правления (республиканская¹ или монархическая²) традиционно рассматривается в качестве альтернативы президентской. При ней главе государства (президенту или монарху) отводится незначительная роль в политической жизни, а исполняемые им в соответствии с законодательством или национальной традицией функции носят символический характер. Таковы, например, полномочия короля Швеции или президента Итальянской Республики. В ряде других стран глава государства формально наделен широкими правами, однако он их реализует на практике по инициативе иных государственных органов. Чаще всего речь идет о главах правительств (премьер-министрах), которые предоставляют президентам (монархам) своих государств право представлять страну при проведении международной политики или во внутривнутриполитической жизни, например, для ежегодного обращения к депутатам парламента (Великобритания, Германия).

В президентских республиках объем полномочий главы государства существенно больше, чем в парламентских республиках, какова бы ни была в них конфигурация отношений между главой парламентского большинства, руководителем правительства и формальным главой государства. В таких республиках избираемым гражданами путем прямого всеобщего голосования президентам вверено руководство исполнительной властью. При этом президент также наделяется существенными полномочиями по влиянию на деятельность органов законодательной и судебной власти. Особенно следует подчеркнуть, что в президентской республике одна из важнейших функций главы государства — независимый политический арбитраж, который ставит его вне традиционной системы разделения властей на три ветви. Применение механизма согласительных процедур дает ему возможность урегулирования разногласий между органами государственной власти, национальными и субнациональными (региональными) структурами управления. Арбитраж также позволяет президенту определять вектор стратегического развития своего государства, регулируя отношения между ветвями власти, а также институтами, которые по формальным признакам к трем «каноническим» ветвям власти отнести нельзя.

Дискуссия о природе института президентской власти

Исследование на протяжении более чем двух столетий института президентской власти позволило накопить обширный материал для понимания его природы. В государствах СНГ и за их пределами сформировалось немало научных школ, а полученные знания в существенной степени повлияли на распространение данного института в самых разных уголках планеты. Тем не менее взгляды и убеждения ученых дают достаточно противоречивую картину отношения юридической, политической и исторической наук к прояснению сущности следующих понятий: институт президентства; лицо, исполняющее функции главы государства; символическая роль института президентства; миссия по регулированию отношений между ветвями власти, а в критические моменты истории — необходимость брать

¹ Австрийская Республика, Венгрия, Итальянская Республика, Чешская Республика.

² Например, парламентская монархия (Соединенное королевство Великобритании и Ирландии) или конституционная монархия (Королевство Швеция).

на себя ответственность за безопасность и территориальную целостность своей страны.

По нашему мнению, характеристика института президентства в конкретном государстве как «авторитарного», «гибридного» или демократического в решающей степени определяется двумя факторами: объемом конституционных компетенций президента, а также практикой интерпретации этих полномочий, выражающейся в конкретных действиях на политическом поле. На оба указанных фактора влияют множество процессов, включая характер взаимоотношений института президентской власти с тремя традиционными ветвями власти в государстве, практику отношений со структурами гражданского общества, бизнес-сообществом и СМИ, исторический опыт и его учет в конкретно-исторической обстановке. Не в последнюю очередь характер политического режима в государстве и место в нем института президентства определяются личными характеристиками занимающего данный пост, его образованием, политическим опытом, коммуникативными навыками, умением эффективно взаимодействовать с представителями других институтов власти.

Один из важных научных вопросов, уже многие годы обсуждающихся в экспертном сообществе, можно сформулировать так: что определяет устойчивость президентских режимов? Научные исследования показывают, что помимо личной популярности президента у граждан-избирателей и эффективности управления требуется еще соблюдение немалого числа иных условий. Одно из них — способность конкретного президента формировать коалицию политических сил в свою поддержку. Без такой коалиции национальный парламент рано или поздно станет политическим противником президента, а если противостояние достигнет крайних форм, то указанное выше неумение формировать партийные коалиции может серьезно угрожать стабильности государства в целом. Как отметил американский исследователь Хосе Чейбаб, президентские системы могут быть не идеальными, но они вовсе не обречены на нестабильность и дрейф к авторитаризму [1]. На основе анализа бурной политической истории Бразилии и других государств Латинской Америки Х. Чейбаб пришел к выводу о том, что формула успеха в деле обеспечения стабильности политического режима включает в себя два параметра:

- 1) умение формировать партийные коалиции по результатам парламентских выборов;
- 2) критическое отношение к опыту предшествующего периода, когда политические системы переходных государств были авторитарными.

Преодоление наследия авторитаризма, строительство институтов демократического общества — это долгосрочные задачи, решение которых приближает общество к достижению главной цели. Ее можно сформулировать следующим образом: построение демократического государства, защищающего интересы своих граждан и занимающего достойное место в мировой политике.

Исследования политических институтов, в том числе президентализма, проведенные Х. Чейбабом, А. Пржеворским и их коллегами, также показали: позитивные достижения в деле построения демократии в отдельных государствах Восточной Европы и Латинской Америки не связаны с такими важными для политэкономов факторами, как размеры государства, объем его ВВП, масштабы экономического сотрудничества конкретного государства с соседями, а также его

место в мировой торгово-экономической системе [2]. То есть построение демократического общества — задача, которая может быть успешно решена как крупными государствами, во все эпохи являвшимися значимыми игроками в региональной и мировой политике, так и их небольшими соседями. Акценты в процессе построения демократии и конкурентной экономики следует делать на критическом использовании мирового опыта, строительстве сильных институтов и соблюдении процедур, посредством которых институты проникают в общественно-политическую жизнь и там закрепляются.

Статистические данные подтверждают тезис о том, что президентские режимы чаще, чем парламентские, оказываются в кризисе, который разрешается досрочной сменой власти. При этом анализ также показывает, что основная причина этого — историческая, известная в политической экономии как «эффект колеи» [3, с. 69–91]. То есть нестабильность президентских режимов в таких регионах планеты, как Латинская Америка или Восточная Европа, в существенной степени вызвана обстоятельствами их зарождения и утверждения в центре национальной политической системы. Она также напрямую связана со слабостью демократических институтов, что выражается, помимо прочего, в неспособности президентского режима формировать межпартийную поддержку.

В странах Латинской Америки ось «президент — вооруженные силы» является ключевой для определения судьбы политического режима. Но в рассматриваемых нами государствах Восточной Европы и постсоветского пространства данная проблема отсутствует или представлена совсем в ином виде. Вооруженные силы в них не играют существенной политической роли. Они верно служат народу и исполняют функции, четко зафиксированные в национальных конституциях. Исторически сложилось так, что вооруженные силы в Российской империи, а затем и в Советском Союзе занимали определенное место в архитектуре власти, выполняли (и выполняют сегодня) свои очерченные национальным законодательством функции и на более значительную роль не претендуют. Этим государства Восточной Европы выгодно отличаются от стран Ближнего Востока, Южной Азии и Латинской Америки, где военные на протяжении последнего столетия формировали «параллельные властные структуры». Они периодически выходили из тени и посредством государственных переворотов меняли одних своих «представителей» на высших постах государства на других, более лояльных.

Также представляется доказанным на примере Латинской Америки тезис о том, что при сильной парламентской ветви власти³ формирование находящихся у власти президентами партийных коалиций в свою поддержку оказывается затруднительным [4, р. 7]. Практика государств Восточной Европы и СНГ данный вывод также подтверждает. Рассматриваемая модель (сильный парламент и слабый президент) делает неизбежным курс избранного на всеобщих выборах президента на межпартийный диалог. Как правило, президенты в государствах СНГ пользуются поддержкой одной из политических партий своего государства, которая выдвигает их кандидатуру на выборах. Она же проводит в предвыборный период в их поддержку избирательную кампанию. При этом практика общественно-политической жизни настоятельно требует того, чтобы президент после вступления в должность

³ Ее признаками выступают закрепленные в конституциях полномочия законодательных органов, а также крупные и влиятельные политические партии.

несколько дистанцировался от выдвинувшей его политической партии и инициировал межпартийный диалог в поддержку своего курса.

Необходимость изучения процессов во внутривнутриполитической сфере государств, возникших после распада СССР, всегда осознавалась учеными. При этом отсутствие национальных политологических, социологических и политэкономических школ, призванных изучать эти процессы, поставило научные исследования в области сравнительной политологии в зависимость от разработок зарубежных ученых. Активная популяризация в середине 1990-х годов в большинстве государств СНГ теорий «демократического транзита» привела к качественным изменениям в проводимых исследованиях.

Вслед за своими коллегами в США и Западной Европе, ученые из государств СНГ все чаще стали проявлять склонность следовать магистральному пути, по которому сегодня ведутся исследования в области политической науки. Они ориентированы на два типа исследований:

- 1) разработка внеисторических инвариантных моделей, претендующих на описание сложных процессов в социальной сфере, включая тот их сегмент, который касается властных отношений. Такие внеисторические и по большей части абстрактные модели, по мнению сторонников этого подхода, призваны оставаться неизменными при любых условиях, что подтверждает их претензию на признание в качестве единственной формы теории;
- 2) конкретные исследования произвольно выбранных для изучения явлений, проводимые на микроуровне и в границах конкретных временных периодов. Они не претендуют на самостоятельную научно-теоретическую ценность, а используются для подтверждения гипотез и теорий из указанного выше первого типа исследований.

Еще во времена Советского Союза отечественные ученые познакомились с некоторыми из разработанных в «мозговых центрах» США девелопменталистских теорий. Среди них были завоевавшие огромную популярность (во многом за счет активной поддержки на официальном уровне, усилиями посольств США и различных американских научно-культурных центров в регионе) концепции модернизации, «динамическая модель» Д. Растоу [5, с. 5–15], а также структурная и процессуальная теории, объясняющие процесс демократического строительства. Внимание исследователей к становлению экономических и политических институтов расширило в 1990-е годы исследовательскую тематику и применяемый инструментарий для изучения того, как происходит утверждение элементов демократии в постсоветских государствах. В течение нескольких лет в академической среде оформился достаточно ясно выраженный и непротиворечивый по своему содержанию консенсус относительно положительного влияния сильного государства с оформившимися структурами гражданского общества на процесс «демократического транзита» [6, с. 27–44; 7, с. 19–27]. «Оригинальная» западная модель идеального постсоветского общества, способного быстро осуществить «транзит», таких акцентов не предусматривала, делая главный упор на демократических ценностях и институтах, без которых демократия и рыночная экономика объявлялись невозможными. Эти две категории (сильное государство и демократия) все чаще рассматривались в работах ученых из нашего региона как взаимодополняющие, зависимые друг от друга. Несколько позднее в иссле-

довательскую программу стало проникать убеждение в том, что еще одна типичная, хотя и опасная черта политической жизни в некоторых постсоветских странах — нарастающая конкуренция органов государственной власти и гражданского общества. «Сильное государство» в условиях постсоветского кризиса, экономического хаоса и не прекращавшейся череды вооруженных конфликтов стало рассматриваться в качестве императива выживания страны. Оно выступало главным гарантом внутренней политико-экономической стабильности, без которой построение любого государства (демократического или авторитарного) было невозможно.

Взлет и падение «транзитологии»

Фаза становления и широкого распространения в академическом мире догм мировой и производной от нее российской «транзитологии» не была долгой. Уже во второй половине 1990-х годов наступил кризис, приведший ныне эту дисциплину к практически полному забвению. Для освоения опыта зарубежных исследований в области построения демократии и трансформации авторитарных обществ в начале 1990-х годов российскими учеными и их коллегами из бывших республик Советского Союза было сделано достаточно много. Причина кризиса этой научной школы отчасти заключается в том, что за годы дискуссии экспертам-транзитологам не удалось определить, какова же цель, конечная точка транзита и основные направления движения к ней [8, р. 133]. Недостаточно было просто выявить тот факт, что конкретные исторические условия, в которых протекали реформы в государствах СНГ, категорически не соответствовали моделям, описывавшим процесс становления демократии в Западной Европе в XVIII–XIX столетиях, а также на «заднем дворе» США — в регионе Латинской Америки. Российская империя, а затем Советский Союз во все периоды своей истории пользовались привилегией быть полностью суверенными государствами. Никогда прежде их внутренняя и внешняя политика не направлялась из-за границы, иностранными правительствами или монархами. Такой исключительный «исторический фон», на котором строилась новая постсоветская государственность, резко отличался от наследия в области государственного строительства, которое имели страны Центральной Европы, а также Западного полушария.

Вследствие указанных выше трудностей, на место обсуждения позитивной исследовательской повестки осуществления «демократического транзита» пришел анализ препятствий «демократической консолидации». Ряд экспертов при этом сделали вывод о том, что изучаемые государства СНГ — неконсолидированные демократии, поэтому их следует отнести к совсем иной категории, к демократии никакого отношения не имеющей, — «гибридным режимам» [9, р. 5–21; 10, р. 21–35]. То есть вместо привычного для российской политической истории, а также актуального в теоретическом плане вопроса «что делать?» некоторые отечественные и зарубежные специалисты, изучавшие процесс становления демократии, занялись поиском ответа на другой традиционный для российской общественной жизни предыдущих двух столетий вопрос: «кто виноват?» [11–13].

Попытки экспертов ведущих мировых «мозговых центров» и университетов, специализировавшихся на политических процессах в странах СНГ, объяснить не

только то, с чем нужно бороться, но и куда при этом двигаться, также предпринимались. Но их продуктивность была прежде и остается сегодня более чем сомнительной [14]. Внимание институту президентской власти все ведущие исследователи, конечно, уделяли. При этом стали доминировать утверждения, что данный институт — функция от сформировавшегося политического режима. И если режим является демократическим, то институт президентской власти не может играть существенную роль в выработке и реализации стратегии «транзита», а все вопросы строительства демократии будут решаться в классическом треугольнике: парламент — правительство — высшая судебная инстанция.

Дискуссию о демократизации и ее ускоренном проведении на пространстве СНГ оживила череда «цветных революций», прокатившаяся в 2003–2005 гг. Бывший посол США в России М. Макфол в этот период разработал концепцию «четвертой волны демократических изменений». Она была призвана дать «цветным революциям» теоретическое обоснование, а также оправдать активное вмешательство США в процесс их организации. Именно тогда пропагандистами из Администрации Президента США, а также из близких ей «мозговых центров», был провозглашен тезис о том, что США находятся на «правильной стороне истории». Поэтому попытки противодействия насилию и хаосу, которые «цветные революции» вместе с собой несли, объявлялись антидемократическими.

Согласно взглядам М. Макфола, «третья волна демократизации», выявленная в 1990-е годы известным политологом и социологом из Гарвардского университета С. Хантингтоном [15], к началу нового столетия исчерпала себя. Но затем, постепенно, на ее место приходит «четвертая волна», причем наиболее успешные «транзиты» в ее ходе осуществляются исключительно в результате революций [16]. Тезис о революциях как кратчайшем пути к трансформации неугодных США режимов нашел свое далеко не бесспорное подтверждение уже в первой половине 2000-х годов, сначала в Грузии в ноябре 2003 г., а затем на Украине в декабре 2004 г. и в Кыргызстане в марте 2005 г.

Сторонникам теории «гибридных режимов» удалось собрать ценный эмпирический материал, характеризующий процесс государственного строительства. При этом они категорически отказываются рассматривать данные режимы в какой-либо связи с процессами демократизации. Один из вариантов определения того, что же изучают современные политологи, специализирующиеся на постсоветском пространстве, — покровительственный президентализм (*patronal presidentialism*) [17]. Такая постановка исследовательской задачи делает рассуждения о природе политического режима и его генезисе неактуальными, а демократизация на данном этапе становления постсоветских государств отрицается. Исследования политологов, специализирующихся на государствах СНГ, все в большей степени уходят от анализа конституционных реформ, государственного строительства и утверждения институтов демократии. Новые приоритеты: проблемы «хромых уток» из числа действующих лидеров постсоветских государств; конкуренция и консолидация элит; ожидания «изменений режима»; не базирующиеся на эмпирических данных спекуляции о том, в каком направлении пережившие *regime change* (смену режима, т. е. по сути, государственный переворот) государства СНГ станут развиваться впоследствии. По нашему убеждению, тезис о том, что большинство государств СНГ строит что угодно, но только не демократию и свойственные ей демократиче-

ские институты, характеризует исследования данной школы как политически ангажированные.

Особенности президентских режимов в государствах СНГ

Крупнейшая (правящая) политическая партия в государствах переходного периода играет несколько функций, выходящих за традиционный набор задач, решаемых политическими силами в развитом демократическом обществе. Применительно к рассматриваемой нами теме крупная политическая партия зачастую не только добивается популярности у избирателей с целью победы на будущих парламентских выборах, но и стремится обеспечить поддержку избирателями политического деятеля, планирующего участвовать в президентских выборах. Разумеется, этот политический деятель должен разделять базовые установки и программные положения партии.

Такое происходит не всегда: малые политические партии, не претендующие на победу своего кандидата в президентских выборах ввиду низкой популярности у избирателей, к президентским выборам относятся формально. Зачастую они их игнорируют, не выдвигая собственного кандидата. Крупные же политические партии прекрасно отдают себе отчет в том, что в случае победы их кандидат будет обязан стать «президентом всех граждан». Поэтому отношения по оси «крупная политическая партия — кандидат в президенты» строятся по существенно более сложной схеме. В ее рамках публичная поддержка выдвинутого партией кандидата сочетается с отсутствием стремления «привязать» его к конкретным тезисам предвыборной программы политической партии, с которыми она шла на предыдущие парламентские выборы или которые планирует использовать на аналогичных выборах в недалеком будущем.

То есть речь идет о том, что в президентских режимах, возникших в некоторых государствах СНГ, поддержка политической партией конкретного лидера в силу его политического опыта и наличия мощных «политических машин» (СМИ, бизнес-круги и экспертное сообщество) не переходит к попыткам представить его «солдатом своей партии». Это происходит именно в силу того, что пост президента в государствах СНГ на этапе становления институтов государственности предполагает не только менеджерские функции, но и исполнение роли символа государства, а также верховного арбитра. Данная роль имеет особое значение в такой чувствительной области, как обеспечение единства страны, ее территориальной целостности, необходимости преодоления последствий политических и военных конфликтов, которыми сопровождалось обретение суверенитета. Политические партии помогают президентам своих государств кооптировать ресурсы ключевых игроков национальной политической системы в общие усилия по государственному строительству, обеспечивая каналы взаимодействия электората с лидером и формируя благоприятную среду для неконфликтного разрешения возникающих противоречий. Для влиятельных акторов внутривнутриполитической системы (представителей регионов, бизнеса, гражданского общества) поддержка политических партий, обладающих крупными парламентскими фракциями и формирующих структуры исполнительной власти, удобнее попыток прямого воздействия на всенародно избранного президента страны.

Тезис о том, что государству нужна «сильная власть», до середины XX столетия рассматривался как очевидный и никакого доказательства не требовал. Но разрушительные для Европы последствия двух мировых войн, пренебрежение элементарными правами человека и как их апогей — преступления холокоста, побудили экспертное сообщество в самых разных уголках планеты обратиться к этой проблеме. В центре дискуссии о разрастании государства, его структур, имеющихся в их распоряжении ресурсов и обеспечивающих эту деятельность правовых норм оказались поиски ответов на вопросы: Где находятся пределы для усиления мощи государства? Какими должны быть «предохранительные клапаны», которые не позволят недовольству граждан в случае обострения социально-экономической ситуации в их стране обратить свои взгляды на популистов и демагогов?

Дискуссия по этим вопросам идет уже более половины столетия, и в ее ходе высказано немало оригинальных идей. В том числе о том, что именно общество и его структуры, отличные от политических партий и бизнес-элит, должны следить за современным государством, этим новым «Левиафаном», мощь которого резко увеличилась в эпоху высоких технологий. Напомним, что в своей книге «Левиафан» английский мыслитель Томас Гоббс высказал тезис о том, что для сообщества людей естественным является состояние «войны всех против всех» [18]. И лишь государству, которое следует наделить полномочиями и необходимыми ресурсами, по силам спасти граждан от самоуничтожения. Государство, прежде всего в лице структур исполнительной власти, были призвано стать библейским Левиафаном, своей мощью превосходящим всех вокруг и не допускающим даже мысли о том, что противодействие ему возможно и не повлечет неизбежную гибель. Т. Гоббс, как нам представляется, считал маловероятной опасность того, что само государство, а вовсе не человеческое общество и доминирующие в нем привычки/страхи/иллюзии, превратится в угрозу жизни его граждан. Но именно это безудержное и ничем не сдерживаемое усиление государства произошло в первой половине XX столетия. С тех пор рассуждения о том, что государство нужно не только развивать, но и сдерживать, стали в политической науке новой неоспоримой истиной.

В основу системы государственного управления в СССР был положен принцип единства (монизма) власти. Этот принцип предполагал, что вся полнота власти сосредоточивалась в представительных органах государственной власти — советах народных депутатов. Данная система никак не может быть отнесена к числу демократических. Все ее ключевые элементы были построены с одной целью — прикрыть собой тот очевидный факт, что реальная власть в стране, включая определение курса внутренней и внешней политики, контроль правоохранительной системы и вооруженных сил, а также информационного пространства, была сосредоточена в руках КПСС. Она осуществлялась через разветвленную систему партийных организаций, дублировавших функции советов народных депутатов. Только принятие на Внеочередном третьем съезде народных депутатов СССР закона «Об учреждении поста Президента и внесении изменений в Конституцию СССР» дало старт разрушению монополии КПСС на власть, открыло возможность «социальных лифтов» для представителей политической оппозиции, сделало внутриполитическую жизнь конкурентной.

Последствия принятия данного закона не замедлили проявиться. Причем они затронули как высший уровень власти в СССР, известный как «союзный», так

и республиканский. Процесс национального пробуждения в это время развивался стремительными темпами, и решение об учреждении поста Президента СССР этот процесс, безусловно, ускорило. Наиболее кардинальным изменением в политической системе СССР стала ликвидация командно-административной системы управления и фактически добровольный отказ КПСС от своей «руководящей и направляющей» роли в жизни одной из двух сверхдержав той эпохи.

Грандиозная реформа системы государственного управления в СССР едва ли учитывала весь комплекс проблем, с которыми предстояло столкнуться ее исполнителям. Один из наиболее трагических просчетов, которого можно было избежать, состоял в том, что реформаторы, призывавшие к реальной «советизации власти» в СССР, начиная с 1987 г. допустили катастрофическое ослабление исполнительной ветви власти. Причиной стала передача значительной части полномочий структурам законодательной (представительной) власти, а также фактическое лишение действовавших структур исполнительной власти полномочий без передачи их кому бы то ни было. Это привело к серьезным проблемам как на уровне принятия решений, так и при их исполнении. Другие побочные эффекты ослабления исполнительной власти, включая разгул преступности, криминализацию экономики и эрозию институтов судебной системы, имели крайне негативное влияние на процесс государственного строительства в республиках Советского Союза на этапе распада одной из двух сверхдержав той эпохи, а также в первые годы суверенного развития после трагического декабря 1991 г. Сильная исполнительная власть должна была этими процессами управлять, не допуская их перерастания в конфликты на социально-экономической, а иногда и на этнической почве. Как мы теперь хорошо знаем, этого не произошло, распад СССР сопровождался чередой конфликтов, в том числе вооруженных.

Задача усиления институтов исполнительной власти уже в начале 1990-х годов приобрела для новых независимых государств экзистенциальное значение. Возникновение спроса на сильный и эффективный институт президентской власти показало, что общество смогло постепенно выявить наиболее короткий и эффективный путь из кризиса. Президенты новых государств были призваны цементировать всю систему центральной власти в условиях обретения союзными республиками национального суверенитета. Эпоха «коллективного руководства», позволявшая скрыть не только некомпетентность, но и злоупотребления, безответственность, а нередко и прямое слияние структур власти и криминалитета, вступила в период своего заката. Без института президентской власти этот процесс затянулся бы на существенно более долгий срок или мог не начаться вовсе.

Несмотря на то что институт президентской власти просуществовал в СССР лишь немногим более двух лет, его историческое значение огромно. Для нас важно подчеркнуть такие элементы его позитивного влияния, как обеспечение преемственности власти в период крушения монополии КПСС на государственное управление, а также создание условий для учреждения аналогичных структур власти в союзных республиках, быстро трансформировавшихся в независимые суверенные государства.

Институт президентской власти и политические партии: российский опыт

Реформирование политико-экономических систем государств, возникших на территории бывшего СССР, показало, что в периоды потрясений суверенное государство обязано быть сильным. В такие моменты власть в нем должна быть не только легитимной, но также мощной, эффективной и способной к быстрой реакции в ответ на меняющуюся внешнюю среду. Приняв на вооружение идею разделения властей на несколько ветвей, государства региона обратились к институту президентской власти как связующему звену нарождающейся системы государственного управления.

Российская Федерация за прошедшую четверть столетия пережила возникновение и исчезновение двух политических партий, выполнявших ряд из указанных выше функций и претендовавших на неофициальный статус «президентских». Поначалу, в канун парламентских выборов 1993 г., при скрытой поддержке действовавшего президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина был сформирован избирательный блок «Выбор России», объединивший ряд крупных либеральных политических партий и движений. Этот блок потерпел чувствительное поражение на выборах 12 декабря 1993 г. и не смог стать той силой, которая поддерживала бы президента Б. Н. Ельцина в наиболее сложный период реформирования российской экономики и политической системы [19, с. 180]⁴. Важной причиной поражения «Выбора России» стало то, что президент страны тогда никак не высказал своего к нему отношения, поэтому для значительной части электората данное предвыборное объединение осталось форумом сторонников радикальных либеральных экономических реформ, которые ввергли страну в многолетний острый кризис.

Вторая попытка создать политическую партию, которая была призвана исполнять функцию моста между президентом и элитами, была сделана в канун парламентских выборов в декабре 1995 г. 12 мая 1995 г. в Москве была учреждена общероссийская общественная и политическая организация «Наш дом — Россия». Она объединила широкий спектр политических сил, включая значительную часть региональных элит и видных представителей только формировавшегося российского крупного бизнеса. Характерно, что инициатором создания данного политического объединения стал сам Президент России Б. Н. Ельцин. Однако и данная партия потерпела крах в своих электоральных ожиданиях, оставшись в глазах избирателей партией «номенклатурного центра». Ее представители получили только 10,13% голосов избирателей. У нее не было ни ярких политических лидеров, ни выразительной предвыборной программы, чего не могли не заметить российские избиратели.

И только третья попытка партийного строительства, предпринятая осенью 1999 г., заложила основу современной политической системы Российской Федерации, в которой пропрезидентская партия играет ведущую роль. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» была образована 1 декабря 2001 г. в результате объединения Межрегионального движения «Единство» (избирательный блок «Медведь») и избирательного блока представителей региональных элит «Отечество — Вся Россия». В настоящее время партия «Единая Россия» является круп-

⁴ Представители избирательного блока «Выбор России» на выборах 12 декабря 1993 г. получили лишь 64 из 444 депутатских мандатов.

нейшей и наиболее влиятельной политической силой в стране. В своей деятельности она активно поддерживает действующего Президента Российской Федерации В. В. Путина, который тем не менее не является ее членом и не входит в руководящие структуры партии. При этом важно отметить, что председателем партии «Единая Россия» является бывший Президент Российской Федерации, а ныне председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев. Такое позиционирование действующего президента по отношению к политическим партиям (разделять положения их программ, но не вступать в число членов политической партии) также отражает переходный характер процесса формирования политической системы как в России, так и в соседних с ней странах. Объяснить данный феномен можно стремлением действующих президентов представлять интересы всех граждан государства, не разделять их на политических сторонников и противников.

В современной политической жизни институт президентской власти занимает исключительно весомое место. Как показывает анализ политической истории десятков государств в различных регионах планеты, именно с ним граждане, деловые круги и общественные организации связывают надежды на выработку стратегии государственного строительства, разрешение внутренних конфликтов, построение сильного, но гуманного по отношению к своим гражданам государства. Период, когда закладывается фундамент государственности, сопровождается ослаблением структур государственного управления и социальной защиты. Это во всех отношениях трудный период для такой страны. У ее влиятельных, но недружественно настроенных соседей зачастую возникает желание «исправить» ее систему политических институтов, завоевать для своего капитала командные высоты в экономике и сформировать в политической элите круг лояльных внешним интересам игроков. Противодействовать такому грубому вмешательству во внутренние дела может лишь сильное государство, в котором создана система координации усилий отдельных структур и институтов.

Литература

1. *Cheibub J. A.* Presidentialism, Parliamentarism, and Democracy. New York; Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 222 p.
2. *Przeworski A., Alvarez M. E., J. Cheibub J. A., Limongi F.* Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 340 p.
3. *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 69–91.
4. *Linz J. J.* Presidential or Parliamentary Democracy: Does It Make a Difference? // Juan J. Linz and Arturo Valenzuela (eds.). The Crisis of Presidential Democracy: The Latin American Evidence. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994. P. 1–19.
5. *Растой Д. А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 5–15.
6. *Дилигенский Г. Г.* Демократия на рубеже тысячелетий // Политические институты на рубеже тысячелетий / под ред. Холодковского К. Г. Дубна: Феникс, 2001. С. 27–44.
7. *Гордон Л. А., Плискевич Н. П.* Развилки и ловушки переходного времени // Полис. Политические исследования. 1994. № 5. С. 19–27.
8. *Hale H. E.* Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. October. P. 133–165.
9. *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, N 1. P. 5–21.
10. *Diamond L. J.* Thinking about Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, N 2. P. 21–35.
11. *Schedler A.* What is Democratic Consolidation? // Journal of Democracy. 1998. Vol. 9, N 2. P. 91–107.

12. *Bunce V.* Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Postcommunist Experience // *World Politics*. 2003. Vol. 55. January. P. 167–92.
13. *Hanson S. E.* Defining Democratic Consolidation // Richard D. Anderson, jr., M. Steven Fish, E. Hanson, and Philip G. Roeder, eds. *Postcommunism and the Theory of Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 126–151.
14. *Fish M. S.* The Dynamics of Democratic Erosion // Richard D. Anderson, jr., M. Steven Fish, E. Hanson and Philip G. Roeder, eds. *Postcommunism and the Theory of Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 54–95.
15. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
16. *McFaul M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // *World Politics*. 2002. Vol. 54. P. 212–244.
17. *Hale H. E.* Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. 2005. Vol. 58. October. P. 133–165.
18. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 129–286.
19. *Ткаченко С. Л.* Мониторинг развития демократии: наблюдение за выборами и референдумами. СПб.: Секретариат Совета МПА СНГ, 2015. 200 с.

Статья поступила в редакцию 13 июня 2018 г.
Статья рекомендована в печать 26 июня 2018 г.

Контактная информация:

Ткаченко Станислав Леонидович — д-р экон. наук, проф.; s.tkachenko@spbu.ru

Presidential republics in Eastern Europe — distinctive features of formation after the Cold War

S. L. Tkachenko

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tkachenko S. L. Presidential republics in Eastern Europe — distinctive features of formation after the Cold War. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 3, pp. 305–318. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.306> (In Russian)

The article deals with the formation of political systems in states, which have emerged in Eastern Europe after the Cold War. It emphasises that the majority of states in the region made a choice in favour of presidential republics. The author have arrived at the conclusion that characterization of institute of presidentialism in a state under consideration as 'authoritarian', 'hybrid' or 'democratic' to a great extent depends on two factors: scope of constitutional authority of a president as well as practice of interpretation of this authority in concrete actions in political domain. Both factors could be under the influence of multiple processes, which include nature of the mutual interaction of institute of presidential power with three traditional branches of power in a sovereign state; a practice of relationship with civil society structures, business communities and media; historical experience and its interpretation in the concrete historical scenery. Last but not least nature of the political regime in a state and place of an institute of presidential power in it could be defined by personality of a politician, who hold the office of president, his or her education, political experience, communication skills, ability to communicate with representatives of other institutions of state power.

Keywords: presidentialism, hybrid regime, *Democratic transit*, Eastern Europe, Commonwealth of Independent States.

References

1. Cheibub J. A. *Presidentialism, Parliamentarism, and Democracy*. New York, Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 222 p.
2. Przeworski A., Alvarez M. E., J. Cheibub J. A., Limongi F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 340 p.
3. Nort D. Instituty i ekonomicheskii rost: istoricheskoe vvedenie [Institutions and economic growth]. *THESIS*, 1993, vol. 1, is. 2, pp. 69–91. (In Russian)
4. Linz J. J. Presidential or Parliamentary Democracy: Does It Make a Difference? Juan J. Linz and Arturo Valenzuela (eds.). *The Crisis of Presidential Democracy: The Latin American Evidence*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1994, pp. 1–19.
5. Rastou D. A. Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli [Transitions to democracy: an attempt of dynamic model]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1996, no. 5, pp. 5–15. (In Russian)
6. Diligenskii G. G. Demokratii na rubezhe tysiacheletii [Democracy on the threshold of millennium]. *Politicheskie instituty na rubezhe tysiacheletii [Political Institutions on the threshold of millennium]*, ed. Kholodkovskii K. G. Dubna, Feniks Publ., 2001, pp. 27–44. (In Russian)
7. Gordon L. A., Plishevich N. P. Razvilki i lovushki perekhodnogo vremeni [Bifurcations and traps of transition period]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1994, no. 5, pp. 19–27. (In Russian)
8. Hale H. E. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. *World Politics*, 2005, vol. 58, October, pp. 133–165.
9. Carothers T. The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 1, pp. 5–21.
10. Diamond L. J. Thinking about Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 21–35.
11. Schedler A. What is Democratic Consolidation? *Journal of Democracy*, 1998, vol. 9, no. 2, pp. 91–107.
12. Bunce V. Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Postcommunist Experience. *World Politics*, 2003, vol. 55, January, pp. 167–92.
13. Hanson S. E. Defining Democratic Consolidation. Richard D. Anderson, jr., M. Steven Fish, E. Hanson and Philip G. Roeder, eds. *Postcommunism and the Theory of Democracy*. Princeton, Princeton University Press, 2001, pp. 126–151.
14. Fish M. S. The Dynamics of Democratic Erosion. Richard D. Anderson, jr., M. Steven Fish, E. Hanson and Philip G. Roeder, eds. *Postcommunism and the Theory of Democracy*. Princeton, Princeton University Press, 2001, pp. 54–95.
15. Huntington S. *Tret'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka [Third wave. Democratization in the end of XX century]*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2003. 368 p. (In Russian)
16. McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World. *World Politics*, 2002, vol. 54, pp. 212–244.
17. Hale H. E. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. *World Politics*, 2005, vol. 58, October, pp. 133–165.
18. Gobbs T. Levafan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or the matter, shape and power of the ecclesial and civil states]. Gobbs T. *Sochineniia [Works]*, in 2 vols. Vol. 2. Moscow, Mysl', 1991, pp. 129–286. (In Russian)
19. Tkachenko S. L. *Monitoring razvitiia demokratii: nabliudenie za vyborami i referendumami [Monitoring of the democracy development: observation the elections and referenda]*. St. Petersburg, Sekretariat Soveta MPA SNG, 2015. 200 p. (In Russian)

Received: June 13, 2018.

Accepted: June 26, 2018.

Author's information:

Stanislav L. Tkachenko — Dr. Sci. in Economics, Professor; s.tkachenko@spbu.ru